

*Посвящается
работникам Национальной службы
здравоохранения.
Спасибо за все, что вы делали
и продолжаете делать*

«Малютка крокодил в волнах
Хвост золотой купает,
И в ярких солнечных лучах
Им плещет, им играет.

Малютка крокодил, резвясь,
И мило так, когтями
Пленяет рыбок и, смеясь,
Глощает их с хвостами!»

*Льюис Кэрролл,
Руби «Приключения Алисы
в Стране чудес»¹*

Fortis in arduis.

*«Сильный в трудностях» (лат.),
девиз Норланд-колледжа²*

¹ Перевод А. Н. Рождественской.

² Норланд-колледж — британское учебное заведение, где готовят лучших нянь. Основано в 1892 году и существует до сих пор. Выпускницы Норланда по сей день работают в британской королевской семье. Наличие формы и жесткого профессионального кодекса подчеркивает статус элитной няни на фоне остальной домашней прислуги.

Ночью в лесу было совсем не тихо. Раздавались причудливые крики козодоев и сов, под моими ботинками хрустели камешки, отовсюду слышалось журчание воды: звонкие ключи и ручейки без устали бежали к реке — хлюпающие, говорливые, бормочущие. Дождь прекратился, и сквозь туманную дымку проглянула луна. Я плотнее запахнула воротник накидки и укутала голову платком.

Идти без фонаря оказалось даже легче, иначе там, куда не достигали его лучи, все стало бы совсем черным. Проглядывающая из-за облаков луна помогала не сбиться с пути, и мои глаза быстро привыкли к темноте. Миновав фабричный двор, я остановилась на развилке за хозяйственными постройками: левая дорожка вела к вересковой пустоши, правая — в город. Я свернула налево и прошла мимо пруда, в глади которого, словно в зеркале, отражалась ночь. Над тропой, вьющейся по долине призрачной лентой, высился поросший соснами холм. Я стала вспоминать, как добраться до одинокого домика посреди пустоши.

Детскую я заперла. На сей раз никто не сбежит. Если повезет, проскользну обратно незамеченной. Но если вернусь после хозяина... «Нет! — приказала я

себе. — Не смей сомневаться. И не останавливайся». Ноги сами несли меня вперед. Слева, будто привидения, темнели скалы.

— Руби? — донесся отчетливый шепот.

Едва не споткнувшись от неожиданности, я застыла на месте и впиалась взглядом в тонкие стволы и черные ветви. В ушах оглушительно пульсировала кровь.

Через несколько секунд снова раздалось:

— Руби? Это вы?

Глава 1

Лондон, август 1904

Я повезла Джорджину домой обычным путем, через Кенсингтонские сады к Гайд-парку. Она уснула, зажав в ручке несколько маргариток, а я катила коляску по дорожке, с улыбкой кивая другим няням. Крохотные башмачки почти упирались в бортик плавно скользящей коляски; скоро Джорджина из нее вырастет, и я с затаенной грустью отметила, что малышка становится старше. Теперь она научилась сидеть и ездила так в солнечные дни со сложенным капюшоном коляски. Джорджина обожала смотреть на офицеров Королевской конной гвардии в нарядных мундирах и шлемах с плюмажем, а проходящие мимо дамы опускали зонтики и умилялись на нее.

Я подняла вязаного медведя, который валялся на песке возле чьей-то коляски, и протянула сидевшей на скамейке няне. Та была увлечена чтением романа. Позади скамейки по газону носилась ватага мальчишек, которые дрались палками.

— О, большое спасибо! — наконец произнесла няня, забирая игрушку.

Она узнала форменную одежду, отличающую меня от других нянь. Форма выпускниц Норланд-колледжа была создана именно с этой целью. Под элегантною ко-

ричневой накидкой я носила платье из бежевой тиковой ткани и белый батистовый фартук с кружевной оборкой. Летнюю форму завершал присборенный воротничок кремового цвета. Зимой мы переодевались в голубую саржу и круглый год выполняли черную работу — убрали в детской и разводили огонь в каминах — в форме из розовой хлопковой ткани в полоску.

— Жаль, моя так не спит, — вздохнула няня, кивком указав на пассажирку своей коляски.

Худенькая девочка с серьезным лицом, на вид чуть старше Джорджины, пристально смотрела на меня из-под белой панамы.

— Сколько вашей? — поинтересовалась няня.

— Семнадцать месяцев, — ответила я.

— Вы только посмотрите, какие прелестные кудряшки! А у этой волосы, как назло, совсем не вьются. Стоит накрутить их на папильотки, она их тотчас выдергивает.

— Попробуйте накручивать, пока малышка спит. А если папильотки сначала немного увлажнить, волосы так и высохнут.

— Это идея! — обрадовалась няня.

Я попрощалась, и она продолжила читать. Мы с Джорджиной миновали ворота Альберт-гейт, где бронзовые олени охраняли вход в парк, и я улыбнулась старушке, продававшей игрушечные ветряные мельницы и шарики. В тот августовский день мельницы тщетно ждали дуновения воздуха, чтобы ожить. Старушка не улыбнулась в ответ: полагаю, на ее взгляд, я почти не отличалась от других нянь. После ланча мы, одна за другой, шествовали со своими подопечными в парк, располагались на газонах и скамьях, стелили на траве покрыва-

ла, кормили уток и толкали коляски по дорожкам розариев. А через час или два вновь шли мимо нее домой, торопясь уложить детей на дневной сон и попотчевать сэндвичами с паштетом до того, как отвести вниз увидеться с родителями.

Джорджина была единственным ребенком Одри и Денниса Рэдлетт. Впрочем, миссис Рэдлетт ждала второго. Я перестирала и приготовила детские пеленки, обвела кружком в каталоге детские кроватки, чтобы показать миссис Рэдлетт. Когда появится второй малыш, Джорджине все еще будет нужна ее кроватка. Прибавление в семействе меня волновало, и хотя я пока не нашла сиделку на послеродовой период¹, перспектива делить с ней детскую, даже на несколько недель, вызывала смутное беспокойство. Ибо верхний этаж дома номер шесть по Перивейл-гарденс был моим царством, моей территорией: рабочим кабинетом, классной комнатой и мастерской. Иногда мы организовывали здесь кафе, если Джорджина желала устроить своим игрушкам чаепитие; порой тут возникали джунгли, и мы ползали по ковру, охотясь на львов и тигров.

Ладонка Джорджины раскрылась, и маргаритки рассыпались по одеяльцу. Я быстро собрала их и положила себе в карман. Цветы, которые мы собирали в парке, я ставила в вазочки на подоконнике детской и учила с Джорджиной их названия. Она уже могла похвастаться богатым словарным запасом. Девочка внимательно

¹ Сиделка на послеродовой период — няня, которая ухаживала за роженицей и за малышом в течение первых недель после родов, так как новоиспеченной матери полагалось лежать в кровати.

слушала, когда я указывала на тарелки, ложки, игрушки, марки.

«Оень!» — воскликнула она несколько недель назад, привстав в коляске и указывая на оленей у ворот Альберт-гейт. Я ощутила прилив гордости и любви к этой веселой, активной девочке, которая вызывала восторг у всех, кто с ней общался.

На Найтсбридж легковые автомобили, кашляя клубами дыма, с рычанием обгоняли кареты. Я взглянула на жилые дома из красного кирпича, на продавца горячей картошки, зеленый Бэйсуотерский¹ омнибус и работника китайской прачечной, выгружавшего из тележки чистые простыни. Подметальщики перекрестков² отступили в сторону — из универмагов возвращались дамы в широкополых шляпах, а следом семенили горничные, нагруженные коробками.

Улица Перивейл-гарденс располагалась в большом тихом квартале, в нескольких минутах от оживленной дороги. Дома, выстроившиеся вдоль прямоугольного газона с кипарисами и рододендронами, надежно защищал черный металлический забор. Рэдлетты жили в высоком оштукатуренном доме с черной лакированной дверью, обрамленной гладкими белыми колоннами. Под крышей была устроена детская, окна которой выходили на длинный солнечный сад, граничащий с обеих сторон с садами соседей. Жившие по соседству Боулеры

¹ Бэйсуотер, Найтсбридж — улицы и одноименные престижные районы в центре Лондона.

² Подметальщики перекрестков в Лондоне — в основном дети. Они расчищали дорогу прохожим и этим хоть как-то зарабатывали на жизнь.

держали кур и иногда разрешали Джорджине собирать яйца.

В холле было пусто и тихо, и я понесла Джорджину наверх. Там малышка позволила мне снять с нее кожаные башмачки светло-бежевого цвета и с сонным вздохом улеглась в кроватку. Задергивая шторы, я мельком взглянула на улицу и заметила мальчишку, помощника мясника, с корзинкой. Он подошел к двери, ведущей в подвал, а кухарка, стоя на пороге, придирчиво изучала содержимое корзинки и перекладывала свертки на согнутую в локте руку.

Мой отец развозил товар на кротком пони Черносливе. На бортике повозки виднелись крупные белые буквы: «А. Мэй, первосортные фрукты и овощи». Мы с братьями дрались за очередь сидеть на козлах возле отца и править повозкой. Он колесил по улицам, помахивая прохожим рукой. «Держи, Рубарб», — говаривал отец, передавая мне поводья.

В половине четвертого Эллен принесла мне рулет с ветчиной и чайник с чаем, а я поделилась с ней прочитанным выпуском *Young Woman*¹ и дешевым романом, который даже не открывала. Затем присела за столик под самым скатом крыши, чтобы перекусить, и осмотрелась, примечая, где требовалось стереть пыль; летом окна были открыты, и за считанные часы после утренней уборки повсюду тонким слоем оседала сажа. На полке сияли золотом буквы на черном корешке моей рекомендательной книги. В последний учебный день дирек-

¹ *Young Woman* — газета, выходившая с 1892 по 1903 год в Лондоне. В ней освещались вопросы культуры, образования, а также острые социальные проблемы.